

Борис Пустынцев

Интервью брала Фанни Каплан

Пчела. — 1997. — № 11

Борис Пустынцев – правозащитник, узник советских лагерей, в настоящее время председатель общественной правозащитной организации «Гражданский контроль».

Пчела: *Расскажите о вашей семье и как вы стали таким, каким стали?*

Б. П.: Это смешно звучит, но все пошло от джаза. Я 1935 года рождения, до 16 лет жил во Владивостоке. Мне было лет десять, у меня был маленький, но надежный ламповый радиоприемник. Во Владивостоке он принимал тихоокеанское побережье Соединенных Штатов лучше, чем Москву, потому что через океан никаких помех для радио не было. Я слышал какую-то странную музыку, которой никогда не слышал дома и которая мне все больше и больше нравилась. Потом это стало привычкой – я уже не мог заснуть, не послушав ее немножко. А потом меня стало раздражать, что я не понимаю, что они говорят до и после музыки. Так лет с одиннадцати я самостоятельно начал учить язык; тогда еще не глушили радиостанции, по которым шли уроки английского. Это возраст восприимчивый и через несколько лет я уже все отлично понимал, и не только музыкальную, но и политическую информацию. И постепенно я пришел к убеждению, что в том, что они говорят, гораздо больше правды, чем в советском радио. Это было начало. В 1951 году в Ленинград я приехал уже законченным антикоммунистом.

Пчела: *А как относились к этому дома, ведь семья была благополучная?*

Б. П.: Да, семья была вполне благополучна. Понимаете, отец никогда не был коммунистом, он всегда смеялся над их пропагандой. Но об был имперский человек. Он мне все твердил, что большевики сохранили империю, а это самое главное. Он искренно не мог понять, что меня эта его империя совершенно не колышет.

Кстати, первый раз я был подвергнут политическим репрессиям именно со стороны отца, когда мне было 15 лет. Шла Корейская война и в кабинете отца на стене висела карта корейского фронта. Тогда продавались красные флажки на булавках (голубых флажков, кстати, в продаже не было) и перед уходом на работу отец расставлял линию фронта так, как сообщали советские газеты. Но я-то прекрасно знал, что ему врут в три горла, так как каждый вечер слушал приятный женский голос: «Говорит штаб войск Организации Объединенных наций в Корее: войска ООН» и т.д. По-русски не всегда удавалось расслышать, но я прекрасно знал, где проходила линия фронта на самом деле. Однажды я не выдержал и когда отец ушел на работу, я снял все красные флажки, выбросил красное к черту, раскрасил лист бумаги голубой акварелькой, прилепил к булавкам и расставил линию фронта так, как она на самом деле проходила. И стал ждать, что будет. В результате, бит я был смертным боем – несколько дней не выходил на улицу, все лицо было в синяках. Он все приговаривал: «Почему ты не думаешь о семье? Подумай о матери!». Я, конечно, много тогда не понимал. Он боялся за благополучие семьи, понимал, чем все это чревато, а я-то этого не понимал. Знаете, чего я добился? С тех пор он перестал по утрам расставлять свои флажки.

Пчела: *Где и как вы учились? Расскажите о студенческой среде того времени.*

Б. П.: Уже в Ленинграде я окончил школу и поступил в 1-й институт иностранных языков в Смольном (в 1958 его слили с Университетом, но меня тогда уже посадили). Конечно, было и вольнодумие – студенты есть студенты. И ленинградская среда была куда вольнее, чем в среднем по стране. То есть ортодоксы составляли большинство, но были небольшие группы, два-три человека, с ними перемигнешься и понятно, что свои. Пусть не политически, а в плане искусства. Всегда можно было найти клуб по интересам в студенческой среде. Но даже если это было безобидно и касалось только поэзии, все понимали, что лучше не афишировать, что мы каждый день встречаемся. Все прекрасно понимали, что все, что вне контроля – все плохо.

Пчела: *А как же комсомол?*

Б. П.: Ну, между нами и комсомолом была целая война. Вы понимаете, как мы относились к комсомолу? Я в комсомоле, естественно, не состоял. За мной буквально гонялись и в школе, и в институте, а я говорил: знаете, я недостоин, вот у меня там тройка, так двойка. Вот вырасту над собой, тогда... Интересно, что во Владивостоке я один в классе не был комсомольцем, а в Ленинграде нас было аж трое. Все-таки свободолюбивый город.

А война с комсомольцами была не на жизнь, а на смерть. Тогда ходили патрули с красными повязками, отлавливали на Невском так называемых стилияг, волокли их в отделение или в свой штаб, стригли волосы, резали брюки узкие и т.д.

Мы приобрели у заезжих туристов куртку совершенно дикого вида, – на ней была реклама фирмы «Dunlop», которая производит автомобильные шины. По всей куртке через угольно-черные шины прыгали красно-желтые тигры. Она подходила по размеру одному из наших друзей – покойному Валентину Малыхину, моему поделельнику, – и вот мы его выпускали, он шел по одной стороне Невского, а мы – по другой. Он не проходил и ста метров, как его задерживал комсомольский патруль, на Невском их всегда было две-три группы. Валентин был один, их двое, трое – они его хватили и волокли. Мы (человек шесть) тут же перебежали на ту сторону и, когда они проходили мимо первой подворотни, мы их туда заталкивали; там происходило мгновенное избиение, и мы с Валентином убегали. А они оставались. Побитые.

Октябрь-ноябрь 2005